

DOI: 10.31862/0130-3414-2022-5-40-53

В.П. ТрыковМосковский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Теория «трансмиссии» Р. Дебрэ в контексте проблем современного образования

Аннотация. В статье анализируются взгляды известного современного французского ученого и мыслителя Режи Дебрэ на образование в контексте его концепции личности и культуры; показано влияние на него структурализма, идей Р. Барта, торонтской школы, Л. Альтюссера; проведено сопоставление некоторых положений теории «трансмиссии» Дебрэ, касающихся образования, с идеями Ж.-Ф. Лиотара. Выявлены различия в концепции знания Дебрэ и Лиотара, критическая оценка Дебрэ технологического детерминизма Г.М. Маклюэна. Отмечается полемическое отношение французского ученого к некоторым существенным моментам американской культурной традиции: концепции *self-made man*, «бегству от культуры», а также его неприятие ницшеанского витализма и инстинктивизма. Рассмотрена проекция философско-культурологических взглядов Дебрэ на практику современного образования, отношение мыслителя к образовательным стандартам, рейтингам вузов, широкому внедрению новых информационных технологий в образовательный процесс. Затрагивается вопрос о трактовке Дебрэ политического аспекта современных образовательных стратегий, а также о причинах снижения статуса институтов трансмиссии (одним из которых является Школа в широком смысле слова) на фоне роста престижа институтов коммуникации и информации, прежде всего СМИ. Описаны взаимосвязанные базовые ментальные оппозиции, конструируемые Дебрэ: культура/техника, трансмиссия/коммуникация, медлительность/скорость. Кризис современной системы образования Дебрэ связывает с кризисом европейской культуры, одним из признаков которого, по мнению ученого, является блокировка механизмов трансмиссии. Книга Дебрэ «Введение в медиологию» трактуется как манифест антипостмодернизма. Констатируется актуальность идей Дебрэ, их значимость для понимания тех процессов, которые идут в современном образовании.

Ключевые слова: трансмиссия, новые технологии, культура, образование, информация, медиасфера, медиология

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Трыков В.П. Теория «трансмиссии» Р. Дебрэ в контексте проблем современного образования // Литература в школе. 2022. № 5. С. 40–53.
DOI: 10.31862/0130-3414-2022-5-40-53

DOI: 10.31862/0130-3414-2022-5-40-53

V.P. Trykov

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Theory of “transmission” by R. Debray in the context of the problems of modern education

Abstract. The article analyzes the views of the famous modern French scientist and thinker Régis Debray on education in the context of his concept of personality and culture. It shows the influence of structuralism, the ideas of R. Barthes, the Toronto school, L. Althusser and compares some provisions of the theory of “transmission” of Debray relating to education with the ideas of J.-F. Lyotard. Discrepancies in Debray’s and Lyotard’s concepts of knowledge as well as Debray’s critical assessment of technical determinism of G.M. McLuhan are defined. The polemical attitude of the French scholar to some essential issues of the American cultural tradition is pointed out: the concept of a self-made man, “escape from culture”, and his rejection of Nietzschean vitalism and instinctivism. The projection of Debray’s philosophical and culturological views on the practice of modern education, the thinker’s attitude to educational standards, university rankings, the widespread introduction of new information technologies in the educational process are considered. The question of Debray’s interpretation of the political aspect of modern educational strategies is touched upon, as well as the reasons for the decline in the status of transmission institutions (one of which is the School in the broad sense of the word) against the background of the growing prestige of communication and information institutions, primarily the media. The interrelated basic mental oppositions constructed by Debray are described: culture/ technology, transmission/communication, slowness/speed. Debray connects the crisis of the modern education system with the crisis of the European culture, one of the signs of which, according to the scholar, is the blocking of transmission mechanisms. Debray’s book “Introduction to Mediology” is interpreted as a manifesto of anti-postmodernism. The relevance of Debray’s ideas, their importance for understanding the processes that are taking place in modern education are stated.

Key words: transmission, new technologies, culture, education, information, mediasphere, mediology

CITATION: Trykov V.P. Theory of “transmission” by R. Debray in the context of the problems of modern education. *Literature at School*. 2022. No. 5. Pp. 40–53. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2022-5-40-53

Режи Дебрэ (род. 1940 г.) – французский писатель, мыслитель и политик левой ориентации, сформировавшийся под сильным влиянием Л. Альтюссера, соратник Че Гевары, Ф. Кастро, С. Альенде, советник Ф. Миттерана, основатель и теоретик медиологии. В середине 1960-х гг. отбывал четырехлетнее тюремное заключение в Боливии за участие в освободительном движении в Латинской Америке. Вскоре после освобождения из тюрьмы в 1973 г. вернулся во Францию. На посту советника Миттерана по международным вопросам (с 1981 по 1988 г.) занимался проблемой ослабления зависимости Франции от США. С 1999 г. – профессор социологии Лионского университета. Автор книг «Революция в революции?» (1967), «Критика оружия» (1974), «Интеллектуальная власть во Франции» (1979), «Критика политического разума» (1981), «Жизнь и смерть образа» (1992). Перу Дебрэ принадлежит несколько романов: «Нежелательное лицо» (“L’Indésirable”), 1975; «Снег обжигает» (“La neige brûle”), 1977 (последний удостоен премии Фемина). В 2011 г. был избран членом Гонкуровской академии.

Вопрос, который интересовал Р. Дебрэ на протяжении всей его творческой жизни – как знаки, образы, символы, слова трансформируются в дей-

ствия¹. Ответом на этот вопрос стала разработка новой научной дисциплины медиологии – учения о процессе и средствах передачи и распространения знаний и традиций. В центре, пожалуй, самой известной у нас книги Дебрэ «Введение в медиологию» (2000) – проблема соотношения культуры и технологии (прежде всего новых технологий в сфере коммуникации).

Дебрэ обосновывает необходимость нового подхода к изучению символической реальности (мира образов, знаков, символов). В отличие от истории идей, исследующей генезис и эволюцию интеллигибельных структур, медиология изучает воздействие символической реальности сначала на «ментальную территорию» такого-то коллектива, а затем и на его практику. Задача медиолога – не дешифровка семиозиса, но анализ его влияния на праксис. Медиология иногда может вступать на территорию исторической поэтики и компаративистики, обращаясь к исследованию не только идей, но и образов, форм, приемов эмоционального воздействия, но все это интересует ее не

¹ Так, в книге «Революция в революции?» Р. Дебрэ утверждал, что «делать политику» – это значит заниматься классификацией сил, а классификация – это проблема «слов». Любая политическая борьба начинается со словесной «склоки». Здесь же он высказал мысль, что наиболее удачной формой пропаганды является успешное военное действие [7, p. 167].

в эстетическом, а в сугубо прагматическом плане: вопрос для медиологии состоит не в том, как достигается художественный эффект, а в том, как посредством идей, слов и образов можно воздействовать на мир. «Признанный факт, согласно которому с большим или меньшим сроком действия новая репрезентация мира может изменить состояние мира, а не только представление, какое мы о нем имеем: вот конечный предмет медиологического вопрошания, и его первый *raison d'être*» [2, с. 186]. Казалось бы, такой подход должен привести к смещению акцента на изучение средств передачи сообщений, то есть коммуникационных технологий. Действительно, Дебрэ много размышляет об их роли в современном обществе, однако его труд – не история техники. Дебрэ сосредоточивает внимание на «зазоре» между Техникой и Культурой, на рассмотрении проблемы соотношения Техники и Культуры, их взаимовлияния.

Очевидно воздействие структурализма на Дебрэ. Он вслед за структуралистами исследует не сущности, а отношения. «Медиолога интересует не *сфера объектов, но сфера отношений*» [Там же, с. 119]. Прежде всего речь идет об отношениях между смыслами и медиумами (то есть техническими средствами передачи смыслов).

Дебрэ исходит из того, что любой социальный институт, в том числе и Школа, имеет опосредованный (а не непосредственный, самоочевидный, естественный) характер. Здесь он выступает как продолжатель бартовской традиции демифологизации. Напомним, что для Р. Барта миф – это редукция явления к его вневременной сущности, инструмент сме-

нения Природы и Истории, способ уничтожения Истории, попытка окружить любой феномен, исторический по своей сути, флером «естественности» и «внеисторичности», представить исторически формирующееся явление как «само собой разумеющееся» и вневременное. «Миф – лжеочевидность» [1, с. 46]. С такой трактовкой мифа перекликается следующий пассаж Дебрэ: «Если еще одно произведение и еще один институт афишируют свой непосредственный и очевидный характер, то тем лучше они навязывают себя нам, обманывая нас» [2, с. 121]. Задача медиолога – демифологизация социальных мифов посредством анализа опосредований. «Показать опосредования», «техническую» сторону там, где ее не видно, или же не видно, со стороны «культуры» – такую задачу ставит Дебрэ [Там же]. Если для Р. Барта важнейшим фактором опосредования был язык, то для Дебрэ им становится техника. Важно исследовать, «как технические вариации среды влияют на культурные или антропологические инварианты?» [Там же, с. 140]. Как, например, изобретение велосипеда способствовало подъему феминизма и туризма? Как «цифровая революция» изменяет современную Школу, какие новые задачи перед ней ставит?

Дебрэ констатирует, что современная система образования находится в кризисе. Этот кризис рассматривается мыслителем в более широком контексте общего, глобального кризиса цивилизации, суть которого, с его точки зрения, в дисбалансе между стремительным, взрывным развитием техники (прежде всего новых коммуникационных технологий) и медленным, эволюционным развитием

культуры. Причем эту «медлительность» культуры Дебрэ рассматривает как ее несомненное достоинство, обеспечивающее социальную стабильность и преемственность. «Медленно эволюционирующие институты, кроме прочего, обладают функцией, вносить инерцию, а стало быть, и безопасность в неравновесные и деструктурирующие системы. Медлительность не должна автоматически исчезнуть перед лицом скорости, а такие испытанные институты, как школа, имеющие собственную целесообразность, а стало быть, присущий им порядок приоритетов (вести коммуникацию – да, но при условии, что она будет служить передаче), не должны стремительно приспособляться к незрелым и зачастую уязвимым технологиям. Малая толика здравого смысла могла бы помочь сделать факторы непрерывности и векторы преобразований более сбалансированными – чтобы идти на разумные компромиссы» [2, с. 322–323]. Драма современной Школы, по Дебрэ, в том, что она не вписывается в победившую в современном информационном обществе культуру новизны, скорости и поверхностности, торжествующего экононизма, где все измеряется и оценивается экономической, финансовой эффективностью (о чем писал еще Ж.-Ф. Лиотар). Логике этой новой культуры соответствуют СМИ и новые коммуникационные технологии, но не Школа. «Поскольку передача не соответствует неотложным потребностям ни рынка, ни власти, она не может включаться в те же экономические и политические цепи, что и Инфоком» [Там же, с. 328].

Последствиями «цифровой революции» (перехода от всеобщего телевидения к телевидению тема-

тическому и интерактивному) стали «вавилонизация социального пространства» и утверждение «нового индивидуализма», то есть, иными словами, нарастающая социальная фрагментация. Важнейшей задачей Школы является – преодоление этой тревожной тенденции посредством трансмиссии.

Трансмиссия («передача», в русском переводе закрепился этот вариант французского слова “transmission” – В.Т.) – базовая категория в концепции культуры Дебрэ. Трансмиссия – важнейший механизм культуры, обеспечивающий передачу знаний и опыта от предшествующих поколений к последующим через обучение с целью сохранения культурной идентичности. Трансмиссии Дебрэ противопоставляет коммуникацию. Коммуникация – циркуляция сообщений между индивидами в некий заданный момент времени, то есть сфера межличностной интеракции и синхронии. Трансмиссия – процесс формирования коллективной памяти и идентичности путем переноса информации и знаний во времени, от одного поколения к другому, то есть сфера межпоколенческой интеракции и диахронии. В отличие от коммуникации, мозаичной, открытой во все стороны, трансмиссия целенаправленна и иерархична. «Передавать означает организовывать <...>, создавать иерархию» [Там же, с. 27]. Старшее поколение передает последующим только наиболее ценное и важное. Но каков критерий отбора? Что, с точки зрения Дебрэ, является наиболее важным и подлежащим передаче новым поколениям? Это прежде всего то, что формирует культурную идентичность и единство данного социума, помогает ему

«отличаться от соседа» и «шагать с высоко поднятой головой». «Задача неотделима от построения идентичности <...> Мы передаем для того, чтобы то, чем мы живем, во что верим и что мыслим, не умерло с нами...» [2, с. 29–31].

Утверждая значимость отбора, иерархии, структурирования, Дебрэ вступает в скрытую полемику с новомодными постструктуралистскими и постмодернистскими идеями отмены иерархий, ризомы и т.д. Иерархия и отбор возможны только в условиях существования структуры, центра, доминанты, эту структуру формирующих.

Это не единственный пункт, по которому Дебрэ расходится с постмодернистами. Дебрэ не приемлет агностицизма и релятивизма постмодернистской «философии множественности». Для него Истина существует, и она достижима. Другое дело, что постижение Истины – длительный процесс. «Чтобы достичь какой-либо истины, необходимо пройти ряд тщательно исправляемых заблуждений <...> Истина – результат, а не пушечный залп» [Там же, с. 192]. Такое представление об Истине обусловило апологию медлительности у Дебрэ, сконструировавшую оппозицию «трансмиссия//коммуникация», которая предстает как частный случай более общих и взаимосвязанных оппозиций «медлительность//скорость», «Культура//Техника». При этом медлительность мыслится условием постижения Истины и симптомом глубины, а скорость становится параметром коммуникации и знаком поверхностности. Факты трансмиссии – «это процессы (ничего мгновенного, необходимо помедлить)» [Там же, с. 193].

Современная культура, основанная на новых технологиях, культивирует скорость, поверхностность, фрагментарность, нахватанность, что неизбежно приводит к «сужению поля исторического сознания», к утрате в сознании индивида цельной картины мира, к «вавилонизации», фрагментации общества в результате разрыва культурной традиции. К каким последствиям это приводит в системе образования?

В основе современной западной концепции образования – либеральная идеология. Цель школы – «формирование ответственной и свободной личности» [6, с. 237]. Нигде в своей книге Дебрэ не отрицает этой цели, однако, как представляется, его концепция «ответственной и свободной личности» несколько отличается от официальной, а, следовательно, и его взгляд на цели и стратегию образования расходится с общепринятыми.

Дебрэ нигде прямо не пишет о влиянии американской модели образования на французскую, но красной нитью через его книгу проходит сопоставление американской и европейской культурных моделей. Так, например, касаясь вопроса, почему всемирная сеть стала американским изобретением, Дебрэ объясняет это некоторыми важными особенностями американской культуры, в значительной степени проникнутой идеалами и традициями эмерсоновской self-reliance, гражданского неповиновения, индивидуализма. Америка – «страна, где индивид живет как единственный ответственный за самого себя», лучше, чем Франция с ее государственнической и якобинской традицией и уж тем более лучше, чем тоталитарные общества, «подготовлена к тому, чтобы обходить

принуждения пирамидального отчуждения, изобретать и воспринимать сеть «все-все» (Интернет), противопоставляя ее отличающейся авторитаризмом модели *broadcast* (один-все)» [2, с. 151].

Однако американский идеал *self-made man* представляется Дебрэ химерой. Явно полемизируя с американской традицией, Дебрэ заявляет: «*Self-made man* никогда не существовал; мы возникли благодаря всем, кто нам предшествовал» [Там же, с. 41]. Дебрэ не близок и ницшеанский витализм с его культом инстинкта, дионисийства и осуждением культуры как начала, подавляющего «жизнь» с ее спонтанностью и глубинной. Для Дебрэ подлинная жизнь неотделима от культуры и истории. Только открытость культурному опыту предшествующих поколений обеспечивает творческий, инновационный потенциал современного человека. Индивид не должен быть замкнут в своей «самости». Он звено в цепи культурно-исторического бытия, и только будучи таковым он обретает себя, свою идентичность и свободу, поэтому целью образования, по Дебрэ, является формирование «человека накапливающего». Дебрэ убежден, что принципиальное отличие человека от животного заключается в способности накапливать и передавать новым поколениям не просто способы поведения (это умеют делать и некоторые виды высокоорганизованных животных), но новые компетенции, знания, творения. Здесь характерному для американского национального характера «бегству от культуры» [См. подробнее: 3, с. 61] Дебрэ противопоставляет включенность в культуру, приобщенность к ней как условие формирования полноценной, «ответ-

ственной и свободной» личности, а также сохранения и нормального функционирования общества.

В отличие от своего авторитетного предшественника Ж.-Ф. Лиотара, чья концепция образования в значительной степени легла в основу современной высшей школы [См. подробнее: 5], рассматривавшего общество как машину, в которой индивид – лишь винтик, необходимый для ее бесперебойного функционирования, Дебрэ трактует общество как органическое единство поколений, живых и мертвых, связанных нитью памяти и культурным наследием. Не случайно он сочувственно цитирует О. Конта: «Человечество состоит не столько из живых, сколько из мертвых». Отсюда и разное понимание Лиотаром и Дебрэ, двумя влиятельными левыми французскими интеллектуалами, целей и задач системы образования. Для Лиотара система образования – фабрика по производству винтиков, обладающих соответствующими компетенциями и обеспечивающих стабильность, сохранность и эффективность социума в его *status quo*. Для Дебрэ она – важнейший институт передачи культурного опыта, формирующий «человека накапливающего» и «человека передающего» в том смысле, который Дебрэ вкладывал в эти понятия. В таксономии Лиотара знание ценно постольку, поскольку обеспечивает эффективное функционирование социальной машины. Дебрэ рассматривает знание как то, что определяет сущность социального организма и обеспечивает его единство посредством формирования социокультурной идентичности членов данного социума. Для Лиотара знание функционально, для Дебрэ – онтологично.

Дебрэ ощутил угрозу технологизма и технократизма в постиндустриальном обществе, где технологии, прежде всего информационные, стали играть все более значительную роль. Он фиксирует различие между американской и европейской моделью культуры и в еще одном отношении: американская модель активизирует технологии, европейская – символы, коды и институты. Вот как пишет об этом Дебрэ: «В Европе максимизируется аспект господство/отчуждение; в Америке – аспект производительность/эффективность... Америка, прежде всего, рассматривает автодорогу (субстрат, сеть), а Европа – дорожный Кодекс (плюс несчастные случаи на дороге)» [5, с. 213–214].

Дебрэ вслед за представителями торонтской школы (Г. Иннис, Г.М. Маклюэн и др.) признает важность технологий в современной культуре. «Трагедия сегодня – это техника <...>, так как она ориентирует наши желания, ускользя от наших способностей к решению» [Там же, с. 167]. Он считает, что современное культурное сознание недооценивает и даже презирует технику, несмотря на ту огромную и все возрастающую роль, которую она играет в жизни современного общества. Это высокомерие по отношению к технике находит отражение, в частности, в том, что «общество <...> продолжает располагать технологические сети в самом низу своей иерархии преподавания» [Там же, с. 92]. Дебрэ считает такое положение дел несправедливым. Однако, признавая важность изучения новых технологий в Школе, Дебрэ выступает против их абсолютизации и фетишизации, имеющих своим следствием редуцирование культуры к технике. Дебрэ демонстрирует более сложное, диалектическое

понимание отношений между техникой и культурой, утверждая их взаимовлияние, а не однонаправленное воздействие технологий на культуру. По мысли Дебрэ, технологические инновации рождаются из глубинных культурных потребностей общества, а затем, возникнув, они оказывают мощное воздействие, в значительной степени определяя, формируют новые культурные потребности. Так, Реформация с ее стремлением устранить посредника в лице Церкви между человеком и Богом, обеспечить непосредственный, индивидуальный контакт со словом Божиим, породила книгопечатание. А изобретение печатного станка способствовало Реформации, распространению протестантских идей.

Полемизируя с Маклюэном, Р. Дебрэ подчеркивал роль среды («медиаферы») в процессе контакта человека с машинами. Медиум динамичен, среда ретроградна. Всякая новая технология рождается и распространяется не в вакууме, но в определенной культурно-исторической и технологической среде и испытывает на себе ее воздействие. Дебрэ отрицает «технологический фатум», жесткий технологический детерминизм Маклюэна и его последователей, отказывается рассматривать человека лишь как игрушку во власти машин. Люди «в интеллектуальном отношении не одиноки перед своим экраном, пультом управления, клавиатурой; они общаются и контактируют с невиданным оборудованием через коллективную, реактивную и селективную среду, и не непосредственно, не наивно (как полагал Маклюэн, для которого медиа напрямую моделируют индивидуальное *чувствительное* по его образу и подобию, так как визуальный и последовательный

характер книгопечатания калькирует визуальную и последовательную культуру и т.д.) [5, с. 153–154].

Отсюда его критика «технологизма» в сфере образования, веры в почти беспредельные возможности новых коммуникационных технологий в передаче знаний. Дебрэ, напротив, убежден, что «технический интерфейс не является достаточным условием передачи» [Там же, с. 18]. «Идея того, что можно обеспечить (культурную) передачу с помощью (технических) средств коммуникации, образует одну из наиболее типичных иллюзий «коммуникативного общества», свойственного эпохе модерна, все лучше оснащаемой для завоевания пространства, и все хуже – для покорения времени» [Там же, с. 20].

Ошибка современных последователей Маклюэна с его знаменитым “The medium is the message”, утверждавшего культуuroобразующую роль коммуникационных технологий, Дебрэ видит в том, что они смешивают коммуникацию с трансмиссией, что «физический перенос информации принимается за социальную передачу знаний. Или за средство их продвижения» [Там же, с. 24]. Существуют машины для коммуникации (телевидение, телефон, телеграф, компьютер и т.д.), но никогда не было и не может быть машины для трансмиссии. Трансмиссия не может быть безличной, она всегда предполагает межличностные отношения между передающим и воспринимающим.

Если Лиотар провозглашал смерть Профессора, считая ее естественным результатом все более широкого внедрения новых технологий [4, с. 129], то для Дебрэ техника не может стать заменителем культуры, а машина – субститутом преподавателя. Это невозможно потому, что у культуры

и техники разные функции и конечные цели. Функция техники – объединение и стандартизация человечества, ибо «всякая техническая деятельность, пройдя известную стадию, требует стандартизации» [2, с. 99]. Функция культуры – формирование самобытной культурно-национальной коллективной идентичности. «Культура дробит род человеческий на не налагаемые друг на друга разновидности – этносы, народы и цивилизации, тогда как техника объединяет его, гомогенизируя наши практические знания» [Там же, с. 97].

Техническую стандартизацию Дебрэ рассматривает как объективный процесс, связанный с поиском наибольшей эффективности (самого выгодного соотношения производительности к затратам). Однако мыслитель видит и политический аспект стандартизации. Проблема образовательных стандартов не ставится в книге Дебрэ, не рассматривается им конкретно и подробно, однако некоторые общие соображения мыслителя о роли образовательных стандартов представляются весьма актуальными. Дебрэ отдает себе отчет в том, что навязывание норм и стандартов – важнейший инструмент обеспечения доминирования и господства в современном мире. Он констатирует, что «великие политические битвы сегодня – это битвы вокруг норм, и развертываются они не на виду у публики и при полном ее безразличии. Кто навязывает свою норму, тот возводит собственное локальное на уровень универсального» [Там же, с. 101]. Одним из инструментов подобной стандартизации является, например, составление рейтингов учебных заведений. По мысли Дебрэ, независимо от того, насколько обоснованы критерии, которые

кладутся в основу рейтингов, само составление рейтингов видоизменяет систему образования. Задача рейтингов состоит отнюдь не в объективной оценке учебного заведения, а в том, чтобы на практике изменить ситуацию в сфере образования в «нужном направлении» посредством навязывания определенных стандартов. Именно предустановленные стандарты формируют критерии оценки вузов.

В диалектическом взгляде Дебрэ на отношения культуры и техники, старого и нового, культурной традиции и технологического новаторства проявляется историзм мышления Дебрэ, сформированный, надо полагать, в том числе и его марксистскими штудиями, влиянием неомарксиста Л. Альтюссера, учеником которого он являлся. Л. Альтюссер полагал, что индивидуальность есть лишь «эффект структуры», порождение определенного способа производства и типа общества. Для Дебрэ такой структурой, генерирующей новый тип индивидуальности на современном этапе исторического развития, является информационное общество с его новыми коммуникативно-информационными технологиями. Бездумный потребитель информации – вот тот тип человека, который нужен информационному обществу, его господствующему классу и объективно им формируется². Одним из способов его формирования становится отождествление в современной

культуре коммуникации и трансмиссии, информации и знания. «Разве мы не видим, как влиятельные министры, предприниматели и идеологи грубо смешивают понятия *информации* и *познания* – противопоставленные по всем параметрам. Опрометчивость такого рода подвергает опасности не только Школу в государстве, но даже саму неприкосновенность культуры» [2, с. 328].

Какая же опасность, с точки зрения Дебрэ, грозит культуре и обществу в ситуации сознательного и целенаправленного смешения информации и познания? По мнению Дебрэ, проблема информационного общества не в недостатке информации, а в ее избытке при методологической невооруженности, беспомощности современного человека. Причем Дебрэ рассматривает этот переизбыток информации при недостатке метода как сознательную стратегию господствующего класса. Способность к системному мышлению сознательно разрушается организацией и трансляцией лавины информационного потока, создающего шумовой эффект, не позволяющего отличить главное от второстепенного, установить причинно-следственные связи между фактами, выстроить иерархии смыслов. «Вероятно, в воспитании именно разрушение критического смысла шумовым оформлением коммуникации, которое “покрывает” (во всех смыслах слова) рыночный строй, оказывается наиболее вредоносным. Эти промахи, объясняемые переkreщиванием интересов, подпитывают зачастую пикантную неразбериху, например, ту, что приписывает ту или иную неудачу *энному* “дефициту коммуникации”, тогда как более реалистичным было бы

² В памфлете «Интеллектуальная власть во Франции» (1979) Дебрэ разоблачал интеллектуальную ситуацию во Франции в эпоху торжества СМИ и массовой культуры, клеймил республику словесности, этот узкий круг из нескольких сотен человек, который благодаря техническому прогрессу и медиатизации французских интеллектуалов обрел значительное влияние на общественное мнение.

объяснять ее избытком коммуникации, при дефиците соответствующей передачи» [2, с. 328].

Ключевые слова здесь – «разрушение критического смысла». Деструкция самостоятельного критического мышления, способного с опорой на метод, обеспечивающий его системность, понимать и критически оценивать происходящее, подмена критического мышления фрагментарным, «клиповым» сознанием – такова стратегия господствующего класса при «рыночном строе». Формирование Человека Потребляющего вместо Человека Накапливающего, индивида-одиночки вместо личности, осознающей себя частью истории и общества, – его конечная цель. Все это, заметим, под ширококвещательные заявления о важности формирования «свободной личности», «творческого индивидуума», «повышения качества образования» и проч.

Дебрэ с тревогой пишет о «деисторизации современности», об исчезновении исторической перспективы, «сужении поля исторического сознания», поскольку следствием этих процессов становится «вавилонизация» общества и «балканизация земного шара»: связи между людьми становятся все более хрупкими, фрагментация социума нарастает, что способствует росту конфликтного потенциала, в частности, возвращению межэтнических разладов [Там же, с. 328–329].

Гносеология, антропология и таксономия Дебрэ определила его взгляд на статус институтов трансмиссии (в частности Школы в широком смысле слова). Дебрэ с сожалением констатирует, что фетишизация коммуникативных технологий и массмедиа приводит к деградации и падению престижа институтов трансмиссии.

Однако дело здесь не в отстаивании Дебрэ-профессором корпоративных интересов академического сообщества, озабоченного снижением своего социального статуса в условиях информационного общества и торжества вездесущих СМИ, или, во всяком случае, не только в этом. Дебрэ гораздо больше беспокоит то, что следствием революции в сфере информационных технологий становится расширение пространства информации и коммуникации при параллельном (одновременном) «сужении поля исторического сознания». «По Интернету мы плаваем легче, нежели по хронологии <...> Обладание общим прошлым постепенно становится все более затруднительным – как раз по мере облегчения общим владением информацией» [Там же, с. 21]. Торжество коммуникации (синхронии) приводит к кризису трансмиссии (диахронии). Длительное, историческое, подлинное подчиняется бренному, скоротечному, эфемерному, сиюминутному. Иными словами, современное общество становится все более информированным и все менее мыслящим и культурным, то есть способным к осуществлению трансмиссии и связанных с нею процедур отбора и иерархизации информации и смыслов. Его способность к коммуникации возрастает в той же мере, в какой снижается его способность к передаче, к трансляции культурного опыта следующим поколениям. Быстрое схватывание сиюминутной и новой информации вытесняет глубокое и медленное проникновение в суть явлений, их познание.

Вопреки устоявшемуся мнению об особой роли и влиятельности в современном постиндустриальном, информационном обществе

институтов информации (СМИ), Дебрэ утверждает сугубую значимость институтов трансмиссии (школа, университет, церковь, семья, армия, библиотека и т.д.), поскольку именно они формируют базовую идентичность. Журналист – агент коммуникации, преподаватель – агент трансмиссии. «Журналист осуществляет коммуникацию, преподаватель передает (отличие информации от знания)... Чтобы вступить в коммуникацию, достаточно заинтересоваться. Чтобы должным образом передавать, необходимо преобразовывать, а то и преображать. Находясь на страже цельности некоего *мы*, а не только соотнося два или несколько *я*, передача неотделима от построения идентичности...» [2, с. 29–30].

По Дебрэ, влияние такого института коммуникации как СМИ эфемерно. СМИ лишь производят впечатление, в то время как подлинное влияние оказывает Школа. «Средства, производящие впечатление, отличаются от средств, оказывающих влияние» [Там же, с. 31]. Журналист производит впечатление, учитель оказывает влияние. Учение Христа или идеи Маркса, оказавшие огромное влияние, не передавались через газеты или по радио.

Однако парадокс состоит в том, что, долженствующие занимать в системе институтов культуры высшую ступеньку, на современном этапе институты трансмиссии с этой ступеньки оттеснены СМИ и новыми коммуникационными технологиями.

Почему институты трансмиссии так легко уступили свое место в иерархии? Ж.-Ф. Лиотар объяснял их упадок кризисом легитимирующих их метанарративов. Р. Дебрэ видит причину в развитии новых коммуникаци-

онных технологий (СМИ, Интернета и пр.), имеющих свои преимущества. Таких преимуществ два: первое – большая скорость трансляции информации, второе – аналоговые запоминающие устройства (фотография, кино, радио, телевидение), которые не требуют от пользователя особой квалификации для кодирования и декодирования передаваемой ими информации, передают эту функцию машинам (проекторному аппарату, электропроигрывателю, компьютеру). Иными словами, новые технологии, с одной стороны, формируют новую культуру скорости, легкости и поверхностности, а с другой – органично в нее вписываются, именно поэтому новые коммуникационные технологии «обеспечивают сравнительное преимущество информации над познанием <...>, а, стало быть, в социальном отношении – средств информации над институтами знания» [Там же, с. 86].

Но ведь основная функция институтов трансмиссии не ограничивается трансляцией информации. Она – в выработке и передаче знания, культурной традиции, памяти. Почему в этом отношении современные институты знания оказались несостоятельны? Уступая СМИ в скорости информирования, они могли бы сохранить свой высокий статус как институты, обеспечивающие знание. Однако этому препятствуют те особенности социальной психологии, которые формируются новыми коммуникационными технологиями. Под их воздействием скорость становится более ценной и приоритетной, чем глубина и системность.

Парадокс и драму современной культуры Дебрэ видит в том, что она одержима новизной и скоростью

и расплачивается за это утратой глубины и качества: «В инверсии целого и части, или в подчинении длительного эфемерному, можно видеть признак подлинного кризиса цивилизации – а это официальное имя кризисов передачи; причем сегодняшняя дестабилизация школьных программ телепрограммами является сразу и симптомом, и символом этого кризиса» [2, с. 21–22].

Между тем сама эта одержимость скоростью и новизной, по Дебрэ, следствие процессов, идущих в сфере технологий. Для Дебрэ несомненно, что психическое существование как отдельного человека, так и социума неотделимо от среды окружающих предметов, технологий. Предмет, по Дебрэ, не сводим к своей материальности, вещиности. Предметы, машины и технологии интересуют Дебрэ в их культурном функционировании и воздействии на субъекта. Дебрэ приходит к мысли о необходимости отказаться от общепринятых в философии оппозиций субъект/объект, личное/безличное, от философии субъекта, заложником которой, по мысли Дебрэ, является современная культура.

Дебрэ ставит диагноз современному обществу, констатирует кризис современной культуры, понимаемый им как кризис трансмиссии, но предлагает ли он какой-то выход из этой ситуации? Основание медиологии становится робкой попыткой его преодоления. На смену прежнему левацки настроенному соратнику Че Гевары пришел умудренный опытом, умный интеллектуал, сомневающийся в возможности трансмиссии в ситуации торжества новых технологий и видеосферы. Однако Дебрэ не сдаётся и полагает, что «меди-

олог... должен бороться с меланхолией. Ибо ничто не теряется, но все преобразуется. И возобновляется по-иному...» [Там же, с. 88]. Слабое утешение.

Книге Дебрэ предпослан эпиграф из «Бесед» Конфуция: «Я не создал ничего нового, я всего лишь передавал наставления древних». В этой фразе – пафос книги: апология традиции, защита подлинной, высокой культуры, глубины, истинного знания, всего, что объединяет людей. В некотором смысле Дебрэ сохранил бунтарский запал: в безбрежном море сочинений, в которых пропагандируются модные ныне идеи постмодернизма, либерализма, индивидуализма, порой едва прикрывающие социал-дарвинизм и цинизм их авторов, книга Дебрэ может быть прочитана как антипостмодернистский манифест. Постмодернистской культуре фрагментации ее автор противопоставил культуру когерентности. Ее ценности – связь поколений, социокультурная и национальная идентичность, единство социума на основе культурной общности, высокая культура. Последствия – глубина и системность мышления, сохранение традиции, знание. «Существует систематический порядок познаний, которые строятся, возрастают и приобретаются ступенчатым, методичным образом (идея метода чужда информации)» [Там же, с. 325]. Речь в данном случае не о каком-то конкретном, частном научном, исследовательском методе, но об особом отношении к информации и миру, формируемом Школой, – о способности к системному мышлению, видящему мир как целое, во взаимосвязях его отдельных элементов. «Словарь французских интеллектуалов» так определяет

место Р. Дебрэ в интеллектуальном пространстве современной Франции: «Деля себя между традиционным писательским трудом в одиночестве и проклятием массмедиа, он пытался примирить противоречия, с которыми сталкивается сегодняшний интеллеktуал» [8, р. 340].

Библиографический список

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М., 1989.
2. *Дебрэ Р.* Введение в медиологию / пер. с франц. Б.М. Скуратова. М., 2010.
3. *Каллер Дж.* Теория литературы: краткое введение / пер. с англ. А. Георгиева. М., 2006.
4. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.; СПб., 1998.
5. *Трыков В.П.* Концепция высшего образования Жана-Франсуа Лиотара как теоретическая модель современной высшей школы // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 45–50.
6. Франция глазами французских социологов / С.Г. Айвазова, И.М. Бунин, С.И. Великовский и др.; отв. ред. В.Н. Фомина, С.А. Эфиров. М., 1990.
7. *Debray R.* Révolution dans la révolution? Paris, 1967.
8. Dictionnaire des intellectuels français. Les personnes. Les lieux. Les moments / Sous la direction de J. Julliard et M. Winock. Paris, 1996.

References

1. Bart R. Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika [Selected Works: Semiotics. Poetics]. G.K. Kosikov (transl. from French; comp., general ed. and the introductory article). Moscow, 1989.
2. Debre R. Vvedenie v mediologiyu [Introduction à la médiologie]. B.M. Skuratov (transl. from French). Moscow, 2010.
3. Kaller G. Teoriya literatury: kratkoe vvedenie [Literary theory: A very short introduction]. A. Georgiev (transl. from English). Moscow, 2006.
4. Lyotard J.-F. Sostoyanie postmoderna [La condition postmoderne]. N.A. Shmatko (transl. from French). Moscow; St. Petersburg, 1998.
5. Trykov V.P. The concept of higher education by Jean-Francois Lyotard as a theoretical model of modern high school. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2012. No. 3. Pp. 45–50. (In Rus.)
6. Aivazova S.G., Bunin I.M., Velikovskiy S.I., et al. Franciya glazami francuzskih sociologov [France through the eyes of French sociologists]. V.N. Fomina, S.A. Efirov (eds.). Moscow, 1990.
7. Debray R. Révolution dans la révolution? Paris, 1967.
8. Dictionnaire des intellectuels français. Les personnes. Les lieux. Les moments / Sous la direction de J. Julliard et M. Winock. Paris, 1996.

Статья поступила в редакцию 25.05.2022, принята к публикации 15.07.2022

The article was received on 25.05.2022, accepted for publication 15.07.2022

Сведения об авторе / About the author

Трыков Валерий Павлович – доктор филологических наук; профессор кафедры всемирной литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет

Valeriy P. Trykov – ScD in Philology; Professor at the World Literature Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

E-mail: v.trykoff@yandex.ru